

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1643-1653
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1643

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Complementary Policy of the Russian Empire in the Kazakh Steppe in Ethno-Cultural and Confessional Spheres (XVIII – 60s of XIX centuries)

Agila Nurgaliyeva ^{a, *}, Asset Tasmagambetov ^a, Alfiya Baibulsinova ^a

^a West Kazakhstan University, Uralsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

As a methodological basis, this article relies on the concept of a new imperial history. It analyzes the features of the ethno-confessional policy of the Russian government at the first stage of the “nominal annexation” of the steppe territory, when Islam was seen as a tool to appease the Kazakhs. It was not unambiguously unifying in nature, did not aim to radically change the Kazakh environment by forcibly imposing “progressive” cultural and historical traditions, ignoring the existing ones and breaking the established foundations. At this stage, the Russian government not only allowed, but even ensured the propaganda of Islam in its Russian version, seeing it as an important means of administrative control. This policy can be called complementary, because the authorities were forced to reckon with the religious traditions of the subject population, and maintained tolerance and religious pluralism. The presence in the steppe of a combination of Russian legal norms and legal customs of Kazakh nomads is noted. It is shown that archival documents, together with the publications of contemporaries, help to form a complete picture on the issue of the features of the state-confessional and ethno-cultural policy.

Keywords: Russian Empire, Kyrgyz steppe, complementary policy, “nominal accession”, Islam, civilizing mission, Tatars.

1. Введение

В условиях формирования новых методологических парадигм и исторических концепций научное реконструирование истории нашего общего имперского прошлого поможет лучше понять настоящее и увидеть перспективы будущего. Анализ практических и теоретических ошибок власти при реализации этнокультурной и конфессиональной политики в прошлом, полезных исторических уроков может способствовать оптимизации путей ее дальнейшего развития. В науке XX века использовались исторических клише вроде «добровольного присоединения» Казахстана к России, извечной «дружбы» народов Казахстана с русским «старшим братом», присоединении казахских земель как «абсолютном зле».

В постсоветской и младоказахской историографии сформировалась концепция «духовного колониализма», разделяемая многими казахскими исследователями. Этноконфессиональную политику российских властей в Казахстане можно, на наш взгляд, назвать комплементарной. Она не носила однозначно унифицирующего характера, не ставила целью радикально изменить казахскую среду насильственным наложением «прогрессивных» культурно-исторических традиций, игнорируя имевшиеся и ломая сложившиеся устои, допускала социальную и конфессиональную плюральность. Это нашло непосредственное отражение в правовом регулировании деятельности социокультурных институтов. Применение термина «комплементарность» вполне допустимо при рассмотрении ситуации в границах единого социокультурного пространства, которое представляли собой владения Российской империи в Казахстане.

* Corresponding author

E-mail addresses: agilamus789@gmail.com (A. Nurgaliyeva)

Поступательное развитие исследований в области этноконфессиональной политики Российской империи в казахских землях невозможно без использования опыта, накопленного предыдущими поколениями исследователей.

2. Материалы и методы

Источниковой базой послужили материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан). Используются документы из фонда 4 «Областное правление оренбургскими киргизами: распоряжения, циркуляры и предписания Оренбургской пограничной комиссии» о работе экспедиций для сбора сведений о казахских обычаях, мерах противодействия пропаганде среднеазиатских ханств в Казахской степи, назначении мулл, а также рапорты и представления начальников дистанций и чиновников особых поручений. Из этого фонда также использовано «Положение об управлении Оренбургским краем» 1844 года. Также анализировались документы фонда 338 «Омское областное управление за 1822–1838 гг.» о принятии на службу по ведомству областного правления в окружные приказы татар на должности переводчиков и мулл, о запрещении жителям Бухары, Коканда и Хивы проезда через казахские территории.

Важным историческим источником явились материалы из опубликованных сборников документов. Это Указы Екатерины II, содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), переписка с оренбургским генерал-губернатором Игельстромом, Уставы о сибирских и оренбургских киргизах, опубликованные в сборнике «Материалы по истории государственного строя Казахстана».

Публикации дореволюционной периодической печати позволили проанализировать политические взгляды авторов статей и их отношение к конфессиональной и этнокультурной политике в казахских землях. В данной работе привлекаются подобные материалы таких изданий, как «Вестник Европы» (Герман, 1822), «Журнал Министерства внутренних дел» (Артемьев, 1859), «Военный сборник» (Голосов, 1863), «Православное обозрение» (Сотников, 1872), «Русский архив» (Юдин, 1897).

Исследование основывается на принципах научности, историзма и объективности. Использовался стадийный подход, предполагающий выделение вертикальных диахронных связей во времени при рассмотрении этапов религиозной и этнокультурной политики Российского государства в Казахской степи. Эта политика рассматривалась как формирующаяся, обусловленная историческими, социокультурными реалиями, имперскими традициями с учетом реалий кочевого казахского общества.

Системный метод позволил систематизировать полученные результаты и выводы, выделяя общие тенденции в развитии этноконфессиональной политики российских властей. С помощью историко-генетического метода тема исследования представлена как эволюционирующий процесс, для которого характерно сложное динамическое сопряжение опыта реформирования с сохранением консервативных традиций имперской веротерпимости. Изучение эволюционных перемен, происходивших в законодательстве и конфессиональной политике российских властей, обусловило потребность в применении синхронного и диахронного методов исследования. На основе проблемно-хронологического метода удалось определить основные проблемы и факты в истории взаимоотношений между государством, исламом и институтами традиционного казахского общества и рассмотреть их в хронологическом порядке.

3. Обсуждение

Проблема комплиментарности в конфессиональной и этнокультурной политике Российской империи в литературе до настоящего времени не рассматривалась, поэтому в данной работе мы остановимся на обзоре только тех исследований, в которых развиваются близкие к нашей теме идеи.

Из дореволюционных публикаций отметим труды А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1902а, 1902б), Л.Л. Мейера (Мейер, 1865), В. Григорьева (Григорьев, 1874).

В XXI веке отмечается рост исследовательской активности в изучении имперской истории вообще, и Российской империи в частности. Это касается и западной науки, и научной мысли России и Казахстана.

На протяжении последних трех десятилетий концептуальные основы европейской новой имперской истории формировали исследования профессора швейцарского происхождения Андреаса Каппелера. Он известен своими трудами по проблемам национального самосознания и национальных движений народов, входивших в состав Российской империи. Его монография, увидевшая свет в Германии, с которой он был связан многолетней научной деятельностью, и изданная затем в России, представляет для нас значительный интерес (Каппелер, 2000). Ученый отмечает, что в ходе заселения Степи восточными славянами и колонистами кочевники стали объектом цивилизаторской активности России. Проводниками цивилизаторской политики, по мнению исследователя, становились русские и другие славянские переселенцы, а также мусульмане из Среднего и Нижнего Поволжья: «Делу цивилизации диких кочевников должна была служить не только колонизация их земель восточными славянами, но и просветительская и миссионерская

деятельность татар-мусульман среди казахов, так что ислам также становился средством и инструментом новой политики» (Капшелев, 2000: 124-125). Он отмечает, что функции татар «в значительной мере определялись их хозяйственной, политической и культурной посреднической деятельностью между Россией и Средней Азией, к которой они были особенно близки и предрасположены как мусульмане» (Капшелев, 2000: 105).

В очень содержательном издании «Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология» хотелось бы выделить тезис вводной статьи к одному из разделов, подчеркивающий важность изучения религиозной проблематики: «конфессиональный вопрос требует нашего внимания еще и потому, что он является ключевым для полного освещения и национального вопроса» (Верт и др., 2005: 536). В антологии имеется статья Вирджинии Мартин, специально посвященная казахам. В ней она показала, как казахи адаптировали свою судебную практику, основанную на адате, к вводимым в степи русской администрацией новым юридическим отношениям. Она отметила трудности согласования российских законодательных норм с обычаями казахов кочевников при попытках администрации распространить среди коренного населения более современных, цивилизованных юридических отношений. Разрешение кочевникам сохранять свое обычное право в форме, приспособленной к российской системе, было, по ее мнению, одной из попыток управлять ими наиболее эффективным и упорядоченным способом (Мартин, 2005: 381). В другой своей работе В. Мартин отметила, что казахи не всегда принимали «татарский шариат», стремясь остаться в рамках «казахской правовой культуры» (Мартин, 2001: 104-106), поэтому в Казахской степи в течение века царила атмосфера правового синкретизма: обычно-правовые, российские и шариатские нормы смешивались и действовали бок о бок.

О муллах из числа татар Поволжья как проводниках российского имперского влияния в казахских степях в конце XVIII – начале XIX веков пишет и Пол Верт: «Эти действия татар, и особенно их критика русскими учеными в конце XIX века, по всей видимости, породили распространенное, но довольно сомнительное утверждение, что казахи до того времени не были «настоящими мусульманами, хотя они сами явно считали себя таковыми» (Верт, 2005: 63, 79).

Подобную мысль проводит и российская исследовательница Н.М. Емельянова: «Стремясь культурно интегрировать казахов в состав России, оградить их от влияния учителей ислама из Ташкента, Бухары и Хивы, правительство в XVIII веке сделало татарских мулл официальными проводниками своего влияния среди казахов. Верные империи, татары должны были способствовать тому, чтобы перспектива российского подданства стала для казахского населения более привлекательной, чем возможность объединения с мусульманами государств Средней Азии» (Емельянова, 2018: 61).

Для использования при анализе деятельности представителей местной администрации, призванных проводить в жизнь официальный имперский курс, нам представляются перспективными идеи Паоло Сартори и Павла Шаблея, известных специалистов по истории мусульманских обществ, истории Центральной Азии и исламскому праву в Российской империи. В совместной монографии «Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи» они подробно рассмотрели кодификацию обычного права в Казахской степи (Сартори, Шаблей, 2019). В качестве теоретической методологической рамки ими предложен термин «правовая гибридность», означающий, что российские власти вынуждены были допускать существование правового разнообразия и даже использовать в гражданских судах практики, основанные на адате и шариате (Сартори, Шаблей, 2019: 3). По мнению Паоло Сартори, выраженном в его более ранней работе, власти почти не сомневались в том, что они лучше, чем имперский закон, могут справиться с тонкими вопросами местной рутины, например с нотариализацией прав собственности (Сартори, 2016: 19).

Идею правовой гибридности развивают в своей статье, выполненной на высоком научном уровне, К. Балабиев и Ж. Турекулова. Они пишут о множественности и взаимодополняемой форме судебных практик среди казахов: казийные, бийские, имперские, «народные» – аксакалов и пр. суды (Балабиев, Турекулова, 2018: 211-212).

Интерес представляет статья Б.А. Мирзагельдиева. Привлекает его мысль о том, что русское правление сыграло важную роль в развитии институционализации мусульманского духовенства в Казахстане (Mirzageldiyev, 2019: 31).

Отметим, что работы последних лет стали более разнообразными по источниковой базе и богатству сюжетов. Особенно хотелось бы выделить исследования Г.С. Султангалиевой (Султангалиева, 2000; Султангалиева, 2020). Они характеризуются использованием новых архивных данных и высокой научно-аргументационной обоснованностью.

4. Результаты

На этапе так называемого «номинального присоединения» казахского народа к империи в Петербурге на некоторое время установился взгляд на казахов как простодушных, невежественных скотоводов, нуждающихся в окультуривании и цивилизаторском преобразовании, и авторы, писавшие о них, делали акцент на цивилизаторской миссии России. Например, выражением

официальной точки зрения может служить замечание Л. Мейера: «Для нас почти довольно знать, что мы столкнулись здесь с народом кочевым, полудиким и бывшим таковым издревле» (Мейер, 1865: 1).

А. Артемьев делает акцент на цивилизаторской миссии России. В этих целях использовались наиболее видные представители казахской знати, которых периодически приглашали в Санкт-Петербург и Москву для знакомства с достижениями русской культуры, рассчитывая через них более эффективно влиять на народные массы. Они «возвращались в степь с совершенно другими понятиями, нежели с какими оставляли ее, проникались расположением ко всему русскому в замену прежнего пристрастия к своему кочевому и мухамеданскому» (Артемьев, 1859: 10).

В правящих кругах, впрочем, как и среди большинства публикаций того времени, отсутствовало единство мнений о целесообразности и масштабах культурного воздействия на казахов. Однако господствовало представление о малой степени их исламизации.

В 20–40-е годы XIX века в ходе продолжающегося всестороннего изучения Казахстана материалы о нем все чаще появлялись на страницах официальных органов, известных журналов и газет, и среди них можно найти весьма значительные. Хотелось бы выделить большую статью Ф.И. Германа. В ней автор подчеркивает, что «правительство почитает всех киргизцев магометанами», при этом сам он не разделяет такого мнения: «Киргизцы вообще не имеют и не знают никакой религии; только те из них, кои воспитывались или долго живали в Бухарии, Хиве и других городах Средней Азии, где Алкоран наблюдается до изуверства, исповедуют закон Магометов, однако ж не очень слепо и строго. Султаны и те из киргизцев, кои, часто бывая на линии, имеют связи с татарами, также больше или меньше показывают наружную привязанность к их вере» (Герман, 1822: 217).

В целях эффективного освоения новых территорий в Средней Азии и Казахстане правительство нуждалось в получении достоверной информации, полезной для управления ими и для подготовки будущих реформ. Поэтому были нужны люди, хорошо знающие языки, особенности быта и историю проживающих там народов, и в состав администрации в казахских степях иногда привлекались известные специалисты-востоковеды. Например, Василий Васильевич Григорьев, петербургский востоковед академического направления, в 1851 году получил назначение в Оренбургское генерал-губернаторство. Там он работал чиновником особых поручений, начальником канцелярии генерал-губернатора Оренбургской пограничной комиссии, управляющим Областью оренбургских киргизов.

В его историческом очерке анализируются промахи российской политики в отношении казахов: «Мы вообразили, что киргизы тождественны этнографически с нашими поволжскими татарами. И потому сто двадцать лет всю переписку с ними вели на татарском языке, в полной уверенности, что относимся к киргизам на их родном, вполне понятном им наречии» (Григорьев, 1874: 233-234). Он не избежал влияния европоцентристского стереотипа ко всему, что связано с исламом. Для исследования российской политики в отношении казахов публикации Григорьева представляют особый интерес. Они выделяются на фоне большинства работ, написанных практиками.

Хотелось бы отметить статью православного священника Сотникова. Работа написана с целью обоснования необходимости более решительных действий по христианизации казахов, поскольку для этого имелись достаточно благоприятные условия. Живя среди казахов, автор лучше, чем официальные круги, представлял реальную ситуацию, и, несмотря на проскальзывающее предвзятое отношение к степнякам-кочевникам («они, по большей части, беспечны и в высшей степени ленивы»), он смог дать обстоятельную характеристику официальной правительственной религиозной политике. Как и многие его современники, он отразил точку зрения о слабом развитии ислама среди казахов: «Ислам среди киргизов не имеет еще развитых и определенно выраженных начал, не получил среди них полного и всестороннего приложения в жизни, но усвоен ими односторонне и неполно, ...религия их до сих пор есть смесь ислама с остатками древнего шаманства, которое частью уже слилось с исламом, а частично осталось среди них в виде народных суеверий и обыкновений» (Сотников, 1872: 783).

Немалая доля объективности присуща работам А.И. Добросмылова. Полемизируя с рядом современников, он пишет: «Рассуждения о покровительстве исламу основаны на недостаточном знакомстве с историей киргизского народа вообще и, в частности, с историей этого народа после принятия им русского подданства. Киргизы, как известно, задолго до принятия русского подданства уже были магометане и духовных служителей получали из Бухары, Хивы и, вероятно, из других тогдашних мелких среднеазиатских ханств. Если киргизы, как в прошлом, так еще и в настоящем (XIX) столетии не так наружно религиозны, как, например, татары, которых мы постоянно имеем перед глазами, то это еще далеко не значит, чтобы они не были магометанами» (Добросмылов, 1902а: 60-61). В действиях Екатерины II автор этих строк явно видит политический расчет. По его мнению, главным побудительным мотивом действий правительства было то, что оно «не только не располагало средствами к усмирению киргизов и водворению среди них гражданственности, но и опасалось совершенно их потерять». Поэтому, считает он, «императрица Екатерина II и решилась при посредстве религиозного чувства и татарской грамотности положить начало, так сказать, приручению киргизов, или, как в екатерининское время выражались, «вселить людскость и лучшее

обхождение». Императрицей, по его мнению, двигало желание «не насаждение ислама», а, напротив, с помощью ислама превратить казахов в «граждан России» (Добросмыслов, 1902b: 170-173).

Присоединение в первой половине XVIII века к Российскому государству Казахской степи, очень весомое в геополитическом плане, поставило вопрос об освоении новых земель. Включение казахских степей, уникальных в этнокультурном плане, в унитарную государственную систему России происходило с учетом особенностей населения. Оно растянулось на 150 лет, в течение которых казахи жили относительно автономно.

Своеобразный либерализм русской императрицы в данном случае был, скорее, вынужденным: он в значительной степени определялся соображениями обеспечения относительно прочных рубежей обороны на юге. Наряду с чисто военными, стали применять меры мирные. Российская империя объявляет себя покровительницей завоеванных народов: их религии, традиций, обычаев. Власти осознавали, что ислам является важным элементом для умиротворения Казахского края.

Только в течение 1782–1786 гг. вышло 4 указа о скорейшем строительстве мечетей в Оренбургском крае. Обращаясь к оренбургскому генерал-губернатору Игельстрому, русская императрица отметила, что «такое сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих или обитающих к границам нашим; сие и может послужить со временем к воздержанию их от своеволий лучше всяких строгих мер» (ПСЗРИ-1. № 16255: 450). В письме к нему от 3 июня 1786 г. она продолжила эту мысль: «Разделение степи для киргизцев сперва на три части и построение там городов, також где прилично для главнейших их родов мечетей, школ и гостиных дворов, весьма полезны и нужны; чем скорее вы к сему приступите, тем нам приятно будет» (ПСЗРИ-1. № 16400: 604-605).

Из казны были отпущены значительные суммы для постройки при пограничных линиях мечетей и при них школ. Екатерина II проявила также заботу о формах и содержании обучения, что видно из указа от 12 ноября 1786 г.: «...как предписано уже от нас устроить при мечетях школы, то и принять меры к скорейшему введению тамо учения по нормальным правилам, заимствуя оные из Устава народных училищ в Российской империи, нами апробированного, и сносясь о том с Комиссией народных училищ; для перевода же потребных к тому книг употребить тех мулл, которые переводили Учреждения наши, или и других людей по вашему усмотрению способных, с наблюдением токмо, дабы учебные книги печатались на их языке вместе с Российским» (ПСЗРИ-1. № 16710: 1107).

В качестве инструмента политики в Казахской степи использовались духовные служители из мусульман Поволжья. Выбор татарских мулл не был случайным: в глазах российского правительства общность этнической принадлежности татар и казахов, наличие длительных в исторической ретроспективе татаро-башкиро-казахских связей общения должны были обеспечить успех представителям «татарского мира» как посредникам в деле политической интеграции Казахской степи в состав империи (Султангалиева, 2000: 22). Как писал ученый того времени А. Добросмыслов, татары и строительство мечетей были «мостами», «через которые должны ступить кыргызы, чтобы быть ближе к русскому народу» (Добросмыслов, 1902b: 173).

Русской императрице мероприятия по направлению в степь мулл из Поволжья представляли как инициативу снизу. В 1787 году в Петербурге побывала депутация казахских старшин и видных людей из казахских родов во главе с султаном Ерали, будущим ханом Младшего жуза. Они были приняты при дворе и подали прошения, на основании которых императрица издала указ от 21 апреля 1787 года. Среди ее повелений был пункт 4-й, касающийся мулл: «Стараться снабдить их потребным числом мулл из людей достойных, известного поведения и в верности испытанных, каковых можно иметь из Казанской губернии, по сношению с тамошним генерал-губернатором» (ПСЗРИ-1. № 16534: 839).

Российские власти пытались ввести в практику обучение детей казахской знати. С этой целью в 1789 г. барон Игельстром предписал пограничной экспедиции присылать в устроенную при оренбургской мечети школу по двое детей из каждого казахского рода. «19 декабря 1789 года, – сообщает А. Добросмыслов, – пограничная экспедиция разослала в Малую орду приглашения привозить в школу детей следующим лицам: алимулинского поколения главным старшинам – биям Жанназару, Каракубеку, Муразбеку и десяти родовым старшинам; байулинского – главным старшинам батырю Сырым Датову, бию Каратау Гумерзакову и семнадцати родовым старшинам и семиродского – главным старшинам батырям Тлянчи Букенбаеву и Жанбулату Карабанову и тринадцати родовым старшинам» (Добросмыслов, 1902a: 56). Власти надеялись, что молодежь, в силу возрастных особенностей, легче воспримет планируемые нововведения и, став носителем синкретичной культуры, будет проводником российского влияния среди казахов.

Указом Екатерины II от 22 сентября 1788 г. с целью контроля над мусульманской частью населения было учреждено Оренбургское магометанского закона духовное собрание (ОМДС), в ведение которого были отнесены и казахи (ПСЗРИ-1. № 16710: 1107). Оно регламентировало исполнительные институты в Казахской степи по имперскому сценарию. Кандидаты на должность муллы проходили проверку на лояльность Российской империи при ОМДС, а затем они получали указ Оренбургского губернского правления, то есть становились «указными муллами» и направлялись в казахскую Степь. Их главной обязанностью, по мнению Н.М. Емельяновой, в свою

очередь было воспитание казахских единоверцев в духе преданности Российской империи (Емельянова, 2018: 64).

Герман в своей статье подтверждает порядок утверждения на должность муллы: «Начальство... осведомляется предварительно об их поведении и согласии того общества, к которому они принадлежат, на их увольнение; потом посылает к Муфтию для испытания или утверждения в познании правил и обрядов веры и тогда уже определяет в просимые звания, выдавая на оные виды и наставление, в котором предписывает внушать ордынцам правила подданства, повиновение властям» (Герман, 1822: 217-218).

Кандидатами на духовные должности подбирались обычно татары или башкиры, но бывали и исключения. В указанной статье Германа приводится следующий факт: «В 1819 году, по домогательству некоторых знатнейших киргизцев, утвержден Оренбургским муфтием в звании казия, или духовного первослужителя в улусах алимулинских, киргизский старшина Мухаммет-Жан, долгое время живший в Бухарии» (Герман, 1822: 219).

Велика была роль мулл при рассмотрении судебных дел. В 1786 г. по ходатайству О.А. Игельстрома в Оренбурге был учрежден Пограничный суд и подчиненные ему три судебные расправы в Степи – коллегиальные советы с судебными функциями «для разбора дел об азиатцах» (ПСЗРИ-1. № 16400: 605). Расправы, состоявшие из председателя и двух членов родовых старшин из казахов, а также присланных из Оренбурга писарей, должны были рассматривать дела согласно с народными обычаями. П.А. Юдин обвинял барона Игельстрома в том, что тот всеми мерами старался «омагометанить ордынцев» и поэтому при устройстве расправ «нашел нужным и даже «полезным» натолкать туда руководителями все тех же магометанских мулл, о чем и вошел к государыне с особым представлением». По мнению автора статьи, Екатерина II по незнанию всех обстоятельств «вполне согласилась с доводами своего сподвижника» (Юдин, 1897: 521). Однако из ее именного повеления в адрес барона Игельстрома такой вывод вряд ли вытекает.

Ввиду безграмотности судей огромную роль при судебных разбирательствах приобрели письмоводители из татарских мулл. В результате это привело к постепенному повышению роли шариата при решении судебных тяжб. При рассмотрении дел признавалась принадлежность казахов к мусульманам. «Правительство, – свидетельствует Герман, – почитает всех киргизцев магометанами, и повышаемые из них в старшинское достоинство, также и подсудимые, приводятся в нужном случае к присяге пред алкораном или увещеваются магометанским ахуном» (Герман, 1822: 219).

Первоначальный этап выстраивания государственной линии по интегрированию Казахской степи в правовое поле Российской империи завершился реформами М.М. Сперанского 1822 года. Со второй четверти XIX в. правительство приступает к более жесткой регламентации жизни казахского населения, но при этом продолжает учитывать его социальные и культурные особенности. Это нашло отражение в таких важных документах правительства 20-х годов XIX века, как «Уставы» по управлению («сибирскими» – 1822 года и «оренбургскими» – 1824 года) казахами.

В 1824 г. на казахов Среднего жуза был распространен «Устав о сибирских киргизах». По мнению В. Мартин, он представлял собой первую систематическую попытку России проводить в жизнь свои имперские цели (Мартин, 2005: 360). В нем вместо применявшегося прежде по отношению к неславянским народам термина «иноверцы» использован термин «инородцы». Это понятие выражало в первую очередь этническое, а не конфессиональное содержание. По замыслу М. Сперанского Устав, признавая особенность культурного сообщества казахов-кочевников, должен был учитывать специфику их образа жизни и хозяйствования. Этот документ, хотя и положил начало ограничению функций кочевых судей-биев, но предоставил казахам возможность решать гражданские и уголовные дела на основе обычного права (адата), за исключением особо тяжких преступлений (государственная измена, убийство, барымта), подлежавших рассмотрению согласно общероссийским нормам. В то же время должно было обеспечиваться хотя бы частичное сглаживание культурных различий и постепенный переход казахов к оседлости, которая рассматривалась как более высокая ступень общественного развития. Согласно пункту 124 «Устава», в каждой волости предусматривалось строительство молитвенного дома и дома для служителя мусульманского культа (Материалы, 1960: 100). В связи с этим Ч. Валиханов назвал М. Сперанского «Апостолом Магомета в Сибирской степи», который заботился о построении мечетей и татарских училищ при окружных приказах (Валиханов, 1985: 99).

Американский исследователь доктор Стивен Сабол высоко оценил этот проект, отметив, что автор проекта «Устава о сибирских киргизах» значительное внимание уделил коренным обычаям, истории, языку, образованию, духовным вопросам и ценностям. При этом «реформы Сперанского принимали в расчет местные обычаи и религию, пытаясь при этом интегрировать их с русскими обычаями, религией, правовыми кодексами и образованием» (Sabol, 2003: 28).

«Устав об оренбургских киргизах» ограничивал суд биев, все важные дела должны были рассматриваться Пограничной комиссией или военным судом. 14 июня 1844 года было принято новое Положение об управлении Оренбургским краем, где вновь были предусмотрены некоторые уступки в пользу народного суда (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2156).

Для приведения в исполнение § 64 этого Положения с целью собрания и систематизации казахских народных обычаев, имеющих силу закона, и составления их свода для руководства при разбирательствах в народном суде, Оренбургская пограничная комиссия в декабре 1845 г. распорядилась собрать предварительные сведения о казахских обычаях (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 401). В степь была командирована экспедиция под председательством чиновника особых поручений д'Андре (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 69). Д'Андре составил «Программу по руководству при собирании сведений о казахских обычаях, имеющих в Орде силу закона», которая представляет собой список из 162 вопросов, разбитый на два раздела и несколько подразделов (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 7-12). Однако представленный д'Андре в Пограничную комиссию сборник был ею признан неудовлетворительным.

Для окончательного дополнения и исправления свода казахских обычаев Оренбургская пограничная комиссия решением от 23 июня 1849 г. командировала в степь чиновника особых поручений Азиатского департамента МИД Осмоловского. Этот человек, по мнению администрации, был более прочих способен исполнить данное поручение, так как, кроме казахского, владел еще несколькими восточными языками, имел знания в области религии и истории Востока (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 69-71об.). В мае 1850 г. Осмоловский в рапорте на имя генерал-майора М.В. Ладыженского доложил о выполнении поручения. В нем он выразил «чувствительнейшую благодарность» полковнику Ахмеду Джантюрину, биям кипчакского рода Балгоджину Джангурчину, Кусулбаю Сатубалдину и в особенности Наурузбаю Казыбаеву (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 111). На заседании Пограничной комиссии работа Осмоловского была одобрена. Но в протоколе отмечено, что сбор обычаев был проделан только в Восточной части Орды и работу следует продолжить, так как жители «Восточной части, в которой составлен сборник, заметно отличаются от своих соплеменников, кочующих в прочих частях, как по понятиям своим, так и образу жизни. Кроме того, на киргизов Восточной части, имеющих по своим торговым оборотам беспрепятственные сношения с другими народами: бухарцами, хивинцами, коканцами и, наконец, русскими – легко может действовать чуждое влияние, могущее значительно изменить самобытность народного характера и, следовательно, его обычай» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 119-120). В связи с этим было принято решение продолжить работу. Однако, как отметили П. Сартори и П. Шаблей, дальнейшие усилия в сфере кодификации были свернуты или «заморожены» из-за разногласий среди чиновников разного управленческого уровня (Сартори, Шаблей, 2019: 4).

Пограничное начальство считало, что существовавшее российское законодательство создано для всех вообще состояний в государстве и применение его часто встречает затруднения в определении наказания обвиняемым-казахам, поскольку во многих случаях его нормы не могли соответствовать ни обычаям этого народа, ни его понятиям о преступлениях. Этим и объясняются неоднократные попытки создать свод местных законов, реально применявшихся при разбирательствах спор и преступлений биями и старейшинами, который должен был включать и применявшиеся нормы шариата, и нормы обычного права казахов.

Российские власти стремились противостоять политическому влиянию среднеазиатских ханств на казахское общество. С целью ограничения деятельности в казахских жузах мусульманских проповедников они запретили жителям Средней Азии проезд через эти территории (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 444. Л. 80). На официальную деятельность «пришлых» мулл накладывался запрет.

Беспокойство российской администрации хорошо прослеживается на основании архивных материалов. Вызывает особый интерес объемное Дело «Об ограничении въезда в Казахскую степь подданных среднеазиатских ханств». В ноябре 1853 г. начальник 53-й дистанции Области оренбургских киргизов Сулейман Джихангиров в своем Представлении в Оренбургскую пограничную комиссию поднял вопрос о том, как поступать с выходцами из среднеазиатских государств, прибывающими в Казахскую степь. Пограничная комиссия составила и разослала циркуляр от 16 марта 1854 г., в котором строжайше предписывалось задерживать и представлять в ближайшее укрепление в степи или на линию подданных среднеазиатских областей, намеревающихся обучать детей грамоте или просящих подаяния. «При появлении в здешней степи не только коканских, но и подданных Казах, доставивший начальству подозрительного азиатца должен был объяснить, где и при каких обстоятельствах тот появился, и получить 5 рублей наградных. В этом же циркулярном письме объявлялось, что впредь муллы и другие русские подданные могут проживать в степи только при наличии «письменных видов» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3558. Л. 23). Лица как первой, так и второй категории подлежали выдворению за пределы степи (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3558. Л. 80б.).

В официальной российской печати того времени также проводилась идея об опасной провокационной деятельности агитаторов из среднеазиатских ханств. Так, в одной из статей «Военного сборника» читаем: «...Эмиссары Хивы, проникая в киргизскую степь с торговыми караванами и под видом мулл, возбуждали религиозный фанатизм и ненависть между родами, подучали их не только на грабеж караванов, но и к нападению на Линию» (Голосов, 1863: 36).

Для придания легитимности действиям российской администрации в отношении населения Казахской степи татарские муллы были уполномочены принимать присягу у султанов и аульных старшин (Султангалиева, 2020: 485). О практике принятия присяги по догматам своей веры сообщал

еще А. Левшин. Для примера приведем выдержку из описания церемонии возведения в 1812 г. в ханы Младшего жуза Ширгазы Айчувакова в его книге: «...Хан встал на ковре на колени и произнес торжественно пред Ал-Кораном присягу в верности России, повторяя слова оной вслед за читавшим ее по утвержденной форме первенствующим из магометанского духовенства. В заключение поцеловал он Коран, поднял его на голову и, встав, приложил к присяжному листу вместо подписи печать свою» (Левшин, 1996: 349).

Что касается судебных дел, А. Сотников отмечает, что присяга по Корану принималась казахами при судебных разбирательствах, но только тогда, когда следствие вели русские чиновники, в народном же суде присяга принималась по народным обычаям (Сотников, 1872: 775).

В XVIII–XIX вв. власти поощряли расширение торговой деятельности. «Татарские и русские купцы, – отмечает Андреас Каппелер, – развернули значительную активность в торговле с казахами, которая становилась важнейшим источником и поставщиком продуктов для российской промышленности» (Каппелер, 2000: 138). Благоприятствующими условиями для их деятельности были два существенных момента: во-первых, отсутствие языковых проблем в контактах с местным населением и, во-вторых, тот факт, что татары, будучи мусульманами, могли иметь доступ к среднеазиатским рынкам.

В казахских степях появились города – центры мусульманского торгового капитала, такие как Уральск и Семипалатинск. Правительство даже заставляло татар-торговцев переселяться туда.

Татарские муллы оказали значительное влияние на духовную культуру казахского общества как с точки зрения его ознакомления с классическим исламским наследием, так и в плане его просвещения в целом. Они преподавали в школах татарский язык, а позднее часто и русский. Татарский язык был даже официальным языком общения между российскими властями и местными правителями.

Однако российские власти посчитали, что татарские письмоводители выполнили к середине XIX в. возложенные на них посреднические функции, поэтому встал вопрос об их замене. В 1844 г. при Оренбургской пограничной комиссии была образована школа для казахских детей и началась подготовка письмоводителей из казахов. В Положении об этой школе говорилось: «Главная цель учреждения школы, кроме распространения между киргизами русского языка и некоторой грамотности, состоит в приготвлении способных людей к занятию по пограничному управлению мест письмоводителей при султанах, правителях и дистаночных начальниках в орде, а также к исправлению и других должностей, в которые исключительно назначаются киргизы» (Васильев, 1896: 4). В школе, кроме русского и татарского языков, давались начальные математические знания. Также учащиеся обучались чтению и начальному толкованию Корана, навыкам ведения следствия, объяснения законов с тем, чтобы они могли производить следствия по назначению правителей. Главное внимание в учебном плане уделялось овладению русским языком и литературой.

С середины XIX в., после присоединения Средней Азии к России, казахи, по сравнению с ней, представлялись уже достаточно интегрированной частью империи, и конфессиональная и социокультурная политика в отношении казахов подверглась серьезной ревизии. Рост популярности ислама в Степном крае вызывал все большую озабоченность у государственных чиновников. Ислам уже представал тупиковым направлением и силой, мешающей сближению казахов с русскими. Правительство теперь желало устранить влияние татарского духовенства на казахское население, поэтому, начиная с 60-х гг., произошел поворот от политики веротерпимости (и даже покровительства) к ограничению мусульманского влияния на казахское население.

5. Заключение

Среди наиболее важных выводов исследователей досоветского периода мы выделяем установление общей тенденции на постепенное усиление исламизации казахского общества в период его нахождения в составе Российской империи. И эти суждения подтверждаются архивными данными и другим документальным материалом. Ислам, причем «по-русийски» организованный, рассматривался как важное средство привлечения казахов на сторону российского государства. Российские власти считали, что татары, уже достаточно давно интегрированные в империю, помогут противостоять опасной конфессиональной экспансии в степь с юга.

Имперская политика в Казахстане отличалась гибкостью и менялась. В отношении казахов применялись стратегии, рассчитанные на инклюзивность и сотрудничество, а не на ассимиляцию. Здесь виден принцип взаимной лояльности (лояльность правительства в обмен на лояльность населения).

Государственно-конфессиональную политику в областях, населенных казахами, можно характеризовать как политику сдержанного прагматизма. В культурно-религиозной сфере российские власти придерживались в целом лояльного подхода и принципа невмешательства.

Все сказанное выше позволяет охарактеризовать политику России в казахских жузах как комплементарную. И нам хотелось бы предложить термин «комплементарный колониализм» как тему для дискуссии.

Литература

- Артемов, 1859** – Артемов А. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1859. Ч. 38. Кн. X. С. 1-44.
- Балабиев, Турекулова, 2018** – Балабиев К., Турекулова Ж. Гибридность и когерентность правовых практик у казахов: суд аксакалов в системе правовых институтов и практик (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Ab Imperio*. 2018. № 3. С. 187-214.
- Валиханов, 1985** – Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Собр. соч. в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985.
- Васильев, 1896** – Васильев А.В. Исторический очерк народного образования в Тургайской области и современное его состояние. Приложение. Оренбург, 1896. С. 3-12.
- Верт и др., 2005** – Верт П., Кабытов П.С., Миллер А.И. (сост.). Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005.
- Верт, 2005** – Верт П.В. От «сопротивления» к «подрывной деятельности» / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 48-82.
- Герман, 1822** – Герман Ф.И. О киргизцах // *Вестник Европы*. 1822. № 22. С. 217-227.
- Голосов, 1863** – Голосов Д. Поход на Хиву в 1839 г. отряда русских войск, под начальством генерал-адъютанта В.В. Перовского // *Военный сборник*. 1863. Т. XXIX. № 1-2. С. 56-69.
- Григорьев, 1874** – Григорьев В. Русская политика в отношении Средней Азии: Ист. очерк / *Сб. государственных знаний*. Т. 1. СПб., 1874. С. 233-261.
- Добросмыслов, 1902b** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь: Типолит. Н.М. Родионова, 1902. 529 с.
- Добросмыслов, 1902a** – Добросмыслов А.И. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // *Труды Оренб. ученой архивной комиссии*. Вып. IX. Оренбург, 1902. С. 51-63.
- Емельянова, 2018** – Емельянова Н.М. Религиозная политика как инструмент интеграции казахов в состав России в XVIII–XIX вв. // *Ислам в современном мире*. 2018. № 14(2). С. 61-76.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996.
- Мартин, 2005** – Мартин В. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 360-388.
- Материалы..., 1960** – Материалы по истории государственного строя Казахстана, 1960. Алматы: Наука, 1960. Том. 1. 441 с.
- Мейер, 1865** – Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865. 386 с.
- ПСЗРИ-1, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 22. СПб.
- Сартори, Шаблей, 2019** – Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
- Сотников, 1872** – Сотников А. Несколько слов о возможности учреждения миссии между киргизами Средней орды // *Православное обозрение*. 1872. Т. I. С. 771-790.
- Султангалиева, 2000** – Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // *Вестник Евразии*. 2000. № 4. С. 20-36.
- Султангалиева, 2020** – Султангалиева Г.С. Татарские муллы, командированные в степь «...для разъяснения, обнародования и внушения правил» // *Историческая этнология*. 2020. Т. 5. № 3. С. 481-496.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Юдин, 1897** – Юдин П.А. Барон Игельстром в Оренбургском крае // *Русский архив*. Вып. 1. Кн. I. С. 513-555.
- Martin, 2001** – Martin V. Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. London; New York, 2001.
- Mirzageldiyev, 2019** – Mirzageldiyev B.A. Politics of the Russian Empire towards Islam in the Kazakh steppe: a revision of some aspects // *Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение»*. 2019. № 3(128). С. 31-43.
- Sabol, 2003** – Sabol St. Kazakh Resistance to Russian Colonization: Interpreting the Kenesary Kasymov Revolt, 1837–1847 // *Отан тарихы/Отечественная история*. Алматы. 2003. № 3.
- Sartori, 2016** – Sartori P. Vision of Justice. Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden, 2016.

References

- PSZRI-1, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 22.
- CGA RK** – Central'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

- Artem'ev, 1859** – *Artem'ev, A.* (1859). Neskolko zametok o kirgizskoj stepi Orenburgskogo vedomstva [A few notes about the Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*, Ch. 38. Kn. X. Pp. 1-44. [in Russian]
- Balabiyev, Turekulova, 2018** – *Balabiyev, K., Turekulova, Zh.* (2018). Gibridnost' i kogerentnost' pravovykh praktik u kazakhov: sud aksakalov v sisteme pravovykh institutov i praktik (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Hybridity and coherence of legal practices among the Kazakhs: the court of aksakals in the system of legal institutions and practices (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Ab Imperio*. 3: 187-214. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1902a** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1902a). Zaboty imperatricy Ekateriny II o prosveshenii kirgizov [Empress Catherine II's concern for the enlightenment of the Kyrgyz]. *Trudy Orenb. Uchenoj arhivnoj komissii*. Vyp. IX, Orenburg. Pp. 51-63. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1902b** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1902). Turgajskaya oblast. Istoricheskij ocherk [Turgai region. Historical sketch]. Tver': Tipo-lit. N.M. Rodionova, 529 p. [in Russian]
- German, 1822** – *German, F.I.* (1822). O kirgizcah [About Kyrgyz people]. *Vestnik Evropy*. 22: 217-227. [in Russian]
- Golosov, 1863** – *Golosov, D.* (1863). Pohod na Hivu v 1839 g. otryada russkikh vojsk, pod nachalstvom general-adyutanta V.V. Perovskogo [A campaign to Khiva in 1839 by a detachment of Russian troops, under the command of Adjutant General V.V. Perovsky]. *Voennyj sbornik*. Vol. XXIX. 1–2: 56-69. [in Russian]
- Grigor'ev, 1874** – *Grigor'ev, V.* (1874). Russkaya politika v otnoshenii Srednej Azii: Istorichesky Ocherk [Russian policy towards Central Asia: Historical essay]. *Sb. gosudarstvennykh znaniy*. Vol. 1, SPb., Pp. 233-261. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – *Kappeler, A.* (1997). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya [Russia is a multinational empire]. Moscow. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazachih ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaysak hordes and steppes]. *Almaty*. [in Russian]
- Martin, 2005** – *Martin, V.* (2005). Barymta: obyčaj v glazakh kochevnikov, prestupleniye v glazakh imperii [Barymta: custom in the eyes of nomads, crime in the eyes of the empire]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. Moscow. Pp. 360-388. [in Russian]
- Martin, 2001** – *Martin, V.* (2001). Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. London; New York.
- Materialy..., 1960** – *Materialy po istorii gosudarstvennogo stroya Kazakhstana* [Materials on the history of the state system of Kazakhstan]. Vol. 1. *Almaty: Nauka, 1960, 441 p.* [in Russian]
- Mejer, 1865** – *Mejer, L.L.* (1865). Kirgizskaya step Orenburgskogo vedomstva. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba [Kyrgyz steppe of the Orenburg department. Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. SPb., 386 p. [in Russian]
- Mirzageldiyev, 2019** – *Mirzageldiyev, B.A.* (2019). Politics of the Russian Empire towards Islam in the Kazakh steppe: a revision of some aspects. *Vestnik Yevraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N.Gumileva. Seriya: Istoricheskiye nauki*. 3(128): 31-43.
- Sabol, 2003** – *Sabol, St.* (2003). Kazakh Resistance to Russian Colonization: Interpreting the Kenesary Kasymov Revolt, 1837–1847. *Оман тарихы/National history*. *Almaty*. 3.
- Sartori, 2016** – *Sartori, P.* (2016). Vision of Justice. Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden.
- Sartori, Shabley, 2019** – *Sartori, P., Shabley, P.* (2019). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoy stepi [Experiments of Empire: Adat, Shariah and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 280 p. [in Russian]
- Sotnikov, 1872** – *Sotnikov, A.* (1872). Neskolko slov o vozmozhnosti uchrezhdeniya missii mezhdru kirgizami Srednej ordy [A few words about the possibility of establishing a mission between the Kyrgyz of the Middle Horde]. *Pravoslavnoe obozrenie*. I: 771-790. [in Russian]
- Sultangaliyeva, 2020** – *Sultangaliyeva, G.S.* (2020). Tatarskiye mully, komandirovannyye v step' «...dlya raz'yasneniya, obnarodovaniya i vnusheniya pravil» [Tatar mullahs sent to the steppe "... for clarification, promulgation and suggestion of rule]. *Istoricheskaya etnologiya*. 5(3): 481-496. [in Russian]
- Sultangaliyeva, 2000** – *Sultangaliyeva, G.S.* (2000). «Tatarskaya» diaspora v konfessional'nykh svyazyakh kazakhskoy stepi (XVIII-XIX vv.). *Vestnik Yevrazii*. 4: 20-36. [in Russian]
- Valikhanov, 1985** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Zapiska o sudebnoy reforme. Sobr. soch. v pyati tomakh [A note on judicial reform]. Vol. 4, Alma-Ata. [in Russian]
- Vasil'ev, 1896** – *Vasil'ev, A.V.* (1896). Istoricheskij ocherk narodnogo obrazovaniya v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostoyanie. Prilozhenie [Historical sketch of public education in the Turgai region and its current state. Application]. Orenburg. Pp. 3-12. [in Russian]
- Vert, 2005** – *Vert, P.V.* (2005). Ot «soprotivleniya» k «podryvnoy deyatelnosti» [From "resistance" to "subversion"]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. Moscow. Pp. 48-82. [in Russian]

Vert i dr., 2005 – Vert, P., Kabytov, P.S., Miller, A.I. (sost.) (2005). Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya [Russian Empire in foreign historiography]. Moscow. [in Russian]

Yemel'yanova, 2018 – Yemel'yanova, N.M. (2018). Religioznaya politika kak instrument integratsii kazakhov v sostav Rossii v XVIII–XIX vv. [Religious policy as a tool for integrating Kazakhs into Russia in the 18th–19th centuries]. *Islam v sovremennom mire*. 14(2): 61–76. [in Russian]

Yudin, 1897 – Yudin, P.A. (1897). Baron Igelstrom v Orenburgskom krae [Baron Igelstrom in the Orenburg region]. *Russkij arhiv*. 1. Kn. I. Pp. 513–555. [in Russian]

Комплементарная конфессиональная и этнокультурная политика Российской империи в Казахской степи в XVIII – 60-е гг. XIX вв.

Агила Нургалиева ^{a, *}, Асет Тасмагамбетов ^a, Альфия Байбулсинова ^a

^a Западно-Казахстанский университет, Уральск, Республика Казахстан

Аннотация. В качестве методологической основы данная статья опирается на концепцию новой имперской истории. В ней анализируются особенности этноконфессиональной политики Российского правительства на первом этапе «номинального присоединения» территории степи, когда в исламе виделся инструмент умиротворения казахов. Она не носила однозначно унифицирующего характера, не ставила целью радикально изменить казахскую среду насильственным наложением «прогрессивных» культурно-исторических традиций, игнорируя имевшиеся и ломая сложившиеся устои. На этом этапе российское правительство не только допускало, но даже и обеспечивало пропаганду ислама в его российском варианте, видя в нем важное средство административного контроля. Эту политику можно назвать комплементарной, т.к. власти вынуждены были считаться с религиозными традициями подвластного населения, сохраняли толерантность и религиозный плюрализм. Отмечается наличие в степи сочетания российских правовых норм и правовых обычаев казахов кочевников. Показано, что архивные документы в совокупности с публикациями современников помогают составить цельную картину по вопросу об особенностях государственно-конфессиональной и этнокультурной политики.

Ключевые слова: Российская империя, Киргизская степь, комплементарная политика, «номинальное присоединение», ислам, цивилизаторская миссия, татары.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agilamus789@gmail.com (А. Нургалиева)